

Ernest Borisovich Vinberg

Ernest Borisovich Vinberg and Arkadii Lvovich Onishchik
Moscow, September 9, 1989.

ЕБ: Сегодня 9 сентября 1989 года, Москва, гостиница Академии Наук, Аркадий Онищик и Эрик Винберг тут, в гостях, и мы с ними сейчас будем разговаривать. Так вот, вы что-то начали рассказывать про университетские дела?

ЭБ: Да, в этом году у нас наметились сдвиги к лучшему в смысле приёма. Появилась статья Дубровина и Шубина. Дубровина, возможно, вы помните по второй школе. Он был в моём потоке одним из самых лучших. Сейчас он занимается в парткоме факультета вопросами приёма, и они с Шубиным опубликовали статью в стенгазете «**За передовой** факультет», с критикой сложившейся системы приёма и с предложениями по её изменению. Одним из основных предложений была отмена устного экзамена по математике. Потом состоялось обсуждение этого вопроса на заседании учёного совета, и там разные люди выступали с очень острой критикой, и было принято решение о создании комиссии по анализу результатов приёмных экзаменов.

ЕБ: А во время заседания этого учёного совета точки над «и», наверное, не ставились? Например, о дискриминации не говорилось?

ЭБ: Так прямо не говорилось. Но, тем не менее, там говорилось о том, что на устных экзаменах предлагаются нерешаемые задачи и разные такие вещи. И вот, такая комиссия была создана под председательством Тихомирова. Меня тоже приглашали принять в ней участие, но я вначале думал, что речь идёт об анализе результатов экзаменов прошлых лет, и поэтому согласился, а потом оказалось, что речь идёт только о том, чтобы анализировать результаты приёма этого года, который сейчас уже состоялся. Я счёл, что эта деятельность имеет меньше смысла, и поэтому отказался участвовать в этой комиссии. Тем не менее, сам факт существования такой комиссии уже имеет большое положительное значение. Насколько мне известно, по отзывам **Ильяшенко** и Тихомирова, если в приёме этого года и были допущены какие-то несправедливости, то это были единичные случаи по личной инициативе.

АЛ: Но устный экзамен всё-таки был?

ЭБ: Да, устный экзамен в этом году всё-таки был. Но у нас добились того, что отменили экзамен по физике, так что сейчас у нас только два экзамена по математике и сочинение без учёта баллов. Некоторые люди, стремящиеся изменить систему приёмных экзаменов, добиваются того, чтобы не было устного экзамена и чтобы было два или даже три письменных экзамена по математике. Есть даже такое мнение, что это может служить знаменем всех прогрессивных сил на факультете и что если эта цель будет достигнута, то одновременно будет заменена администрация факультета, поскольку нынешняя администрация на это не пойдёт. Судя по первой лекции, которую я вчера прочёл на первом курсе, приём действительно значительно отличается от предыдущих в лучшую сторону.

ЕБ: Это вы курс алгебры читаете?

ЭБ: Да, с перерывом в двадцать лет в прошлом году я впервые читал обязательные лекции по курсу линейной алгебры и геометрии на первом курсе, а в этом году мне предложили читать курс алгебры в первом семестре. На протяжении этих двадцати лет я также не принимал вступительные экзамены на мехмате, только на других факультетах. Последний раз я принимал экзамены на мехмате, будучи аспирантом.

АЛ: А я уже был доцентом. Я помню, что председателем [экзаменационной] комиссии тогда был Курош, и на собрании перед первым экзаменом он сказал, во-первых, что если кто-то из членов комиссии занимался подготовкой кого-то из поступающих, то он надеется, что такие люди немедленно об это заявят и выйдут из состава комиссии. Никто не сказался, так что неизвестно, занимался кто-нибудь или нет. Во-вторых, он очень настаивал на том, чтобы на устном экзамене давали простые задачи.

ЕБ: А кто у вас сейчас заведует кафедрой алгебры? Кострикин?

ЭБ: Да. В этом году умер Скорняков. И я остался старейшим сотрудником по стажу работы на кафедре, за исключением, может быть, Латышева. Латышев сейчас на несколько лет согласился поехать в Ульяновск. Дело в том, что в Ульяновске организовали университет, который находится под шефством нашего университета. И наши преподаватели ездят туда читать лекции и вести занятия на два месяца. Скажем, делают так, что сначала два месяца студенты изучают только алгебру, потом два месяца – только анализ. Но теперь решили, что надо несколько профессоров МГУ послать туда на несколько лет.

ЕБ: А сколько у вас профессоров в настоящий момент?

ЭБ: Кострикин, Латышев, Шмелькин, Ольшанский и на полставки Манин. Сейчас вроде бы достигнута договорённость с деканом, что будут делать профессором меня и, по-видимому, одновременно Бахтурина. Это ученик Шмелькина.

ЕБ: Хороший? Его главные заслуги лежат в области математики или в смежных областях?

АЛ: У него есть разные заслуги.

ЭБ: У Шмелькина есть два ученика на нашей кафедре: Ольшанский и Бахтурин. Оба доктора наук, Ольшанский защитил раньше, но Ольшанский действительно очень сильный математик. Только что вышла его книга по комбинаторной теории групп, где он решил несколько известных проблем.

ЕБ: Да, это всё очень интересно, но я думаю, по-видимому, университет будет последним оплотом...

АЛ: Да, там, конечно, в ректорате есть такие зубры, тот же Садовничий, например.

ЭБ: Садовничий читает анализ на том же потоке, где я читаю алгебру. Кстати, у нас очень интересное нововведение на факультете – параллельные лекции. То есть у двух потоков математиков лекции по одному предмету ставятся одновременно и студенты имеют право выбирать. Параллельно со мной алгебру читает Ольшанский. Но студенты первого курса этим практически не пользуются. Но я знаю, что на третьем курсе геометрию в прошлом году читали параллельно Фоменко и Склярченко. И большая часть курса была у Фоменко. Склярченко, конечно, прекрасный математик, но, наверное, он не так эффектно читает лекции.

ЕБ: Я был необыкновенно тронут вашей телеграммой по случаю моего шестидесятилетия. В то время, конечно, это было не то, что сейчас.

АЛ: Мы просто пошли на телеграф и дали телеграмму.

ЕБ: Тем не менее, это был некий акт гражданского мужества - с таким негодяем иметь дело.

АЛ: Вы тогда не были негодяем.

ЕБ: Но вам же объяснили.

АЛ: Это уже было после. А тогда мы еще ничего не знали.

ЕБ: Для меня это была некоторая проблема. Конечно, мне хотелось ответить и поблагодарить, но я решил, что, наверное, лучше для вас, если я этого делать не буду. Потому что домашних адресов у меня тогда не было, а если бы я написал на мехмат...

АЛ: На мехмат, конечно, этого не следовало делать. На домашний адрес это было бы абсолютно безвредно.

ЭБ: Несколько моих учеников эмигрировало. Одного из них вы наверняка знаете - Виктора Каца.

ЕБ: Ну, ещё бы! Мы с ним очень и очень часто встречаемся. Он весьма знаменит. Он стал профессором раньше своего учителя.

ЭБ: Да-да. Сразу, как приехал в 75 году. Что там, с его книжкой были какие-то осложнения? Я в Новосибирске познакомился с Селигманом, который в Йеле работает, и он мне рассказывал, что он писал отрицательную рецензию на книжку Каца по бесконечномерным алгебрам Ли.

ЕБ: Но она же вышла?

ЭБ: Да. Но были серьёзные замечания, и из-за этого второе издание вышло в другом месте.

ЭБ: С нашей книжкой с Аркадием, с ее изданием в Шпрингере, тоже были большие трудности. Там было много отзывов, и среди них были отрицательные.

АЛ: То есть разного рода, даже противоположные. Хотя положительных больше.

ЭБ: Конечно, один повод для отрицательного отзыва можно понять. Это то, что книга была написана на базе семинара, происходившего двадцать лет тому назад, так что якобы всё это устарело, хотя мы её полностью переписали и дополнили.

АЛ: Я думаю, что эти рецензенты просто не читали текста.

ЭБ: Да, а, кроме того, мне показалось, что это была некоторая ревность, что они там на западе оберегают свою область. Были даже высказывания такого типа, что там за железным занавесом они не знают простого доказательства такой-то теоремы...

АЛ: Да, в предисловии переводчика была написана одна глупость, просто описка, и эта описка послужила поводом к тому, чтобы обвинять нас в том, что мы не знаем каких-то вещей, которые хорошо известны.

ЭБ: Мы не знаем, кто это писал, но, тем не менее, книжка сейчас уже в стадии набора, как я понимаю.

АЛ: Да, я как раз этим летом был в **Хайдельберге**, беседовал там с Хайнцем, и мне показали уже...

ЕБ: Да, кстати, а как там ваши дела с путешествиями? Теперь же все путешествуют.

ЭБ: Аркадий путешествует, а я пока...

АЛ: Я впервые путешествовал на запад в этом году, но абсолютно приватно. Семейное путешествие с женой и сыном. Двадцать дней был в Западной Германии.

ЕБ: А вас пригласил кто-то из коллег или у вас там какие-то родственные связи?

АЛ: Нет. Пригласил меня Цишанг из Бохума, который часто бывает здесь у нас в Москве, я его давно знаю.

ЕБ: Да, я когда-то в Польшу ездил таким образом, когда нельзя было ездить по-другому.

АЛ: Это было очень просто. Полтора месяца я ждал паспорта, а дальше... Нет, дальше было непросто, но из-за технических причин: потому что сложно получить визу, сложно получить деньги, на всё это нужны дикие усилия, особенно первое.

ЕБ: Самая большая сложность, особенно для поездки в Америку – это достать билет.

АЛ: Да, это тоже сложно, но на поезд это не так страшно. А вот в Америку на самолёт – это почти безнадежное дело.

ЕБ: Да, так что сейчас в университете?

ЭБ: С мая этого года на первом этаже МГУ вывешиваются статьи на всевозможные темы. Всё это называется университетский Гайд Парк. Организовала это некая инициативная группа, состоящая в основном из студентов и аспирантов разных факультетов МГУ. Вначале они пытались сделать это с разрешения ректората или комитета ВЛКСМ, велись долгие переговоры с проректором Садовничим, с секретарём комитета комсомола, которые не говорили решительное «нет», но и не говорили «да». Под разными предлогами это всё оттягивалось, и, в конце концов, они это осуществили явочным порядком.

ЭБ: После съезда [Верховного Совета] уже?

ЭБ: Это было 10 мая, то есть незадолго до съезда.

ЭБ: Но уже предвыборная кампания велась давно?

ЭБ: Да, да. Там публиковались всякие материалы, связанные с предвыборной кампанией, с деятельностью московской группы депутатов, с ситуацией в Прибалтике, в Грузии, просто вывешивались различные печатные издания.

АЛ: Независимые газеты.

ЭБ: Да. Там постоянно толпятся люди. Так что днём, вероятно, было бы невозможно сдирать эти статьи, а на ночь они их снимают.

ЭБ: А университетские порядки не критикуются? Скажем, недостатки приёма или ещё что-нибудь?

ЭБ: Были материалы на эту тему, но в основном общесоюзного значения.

ЭБ: А статьи подписанные?

ЭБ: Да, это одно из обязательных условий: что статья должна быть подписана. И, кроме того, она не должна содержать призывов к насилию, межнациональной розни и противоречить Декларации о правах человека, которая там висит в качестве постоянного материала. Там было помещено интервью с лидером московской «Памяти» Васильевой.

ЭБ: Но подойти, вы говорите, туда невозможно?

ЭБ: Можно, но всегда толпится народ. Иногда приходится подождать некоторое время, чтобы прочитать какую-нибудь статью, причём освещение там почему-то всегда плохое.